

Ариадна Изумрудная

Игорь Северянин
и Фелисса Круут

Ее звали Фелисса Круут. Она была дочерью плотника из эстонского поселка Тойла.

«Тойла расположена на высоком берегу моря, вся в соснах и золотистых пляжах», — так непривычно сдержанно и даже скупно описывает это местечко Северянин, впервые попавший сюда в 1912 году и настолько очарованный красотами финского залива, что потом не раз проводил здесь лето, пока не поселился всерьез и надолго. Это произошло в 1918 году, в том самом году, когда его избрали королем поэтов.

Все началось с набранного аршинными буквами объявления в московской газете «Власть народа». «Поэты! — гласило оно. — Учредительный трибунал созывает всех вас состязаться на звание короля поэзии. Звание короля будет присуждено публикой всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием».

В мероприятии, состоявшемся в Политехническом музее 27 февраля 1918 года, участвовало более двух дюжин поэтов. Среди них такие знаменитости, как Маяковский и Бальмонт, занявшие соответственно второе и третье места. Первое же досталось 30-летнему Игорю Северянину. Таков был выбор зрителей, которые при полном аншлаге опускали в урны с фамилиями соискателей специальные талончики.

Летом того же года Северянин поселился в Тойле. Вскоре Эстония отделилась от России, и поэт оказался в эмиграции.

Когда-то, до войны, Тойла была модным курортом, на лето сюда съезжались богатые люди, играли оркестры и пели хоры. Но теперь все опустело и запаршивело, обвалилась открытая эстрада в парке, так что культурные мероприятия — а вкус к ним у местного населения сохранился — приходилось проводить в помещении пожарной охраны. Здесь-то, на вечере поэзии и музыки, Северянин и увидел впервые юную Фелиссу Круут.

Сперва она прочла стихи эстонского поэта Фридеберта Тугласа, затем перешла на чистейший русский язык, и обомлевший «король поэтов» узнал Гоголя.

«Очарованный талантом юной чтицы, поэт Северянин, присутствующий на вечере, подошел ее поздравить», — так спустя много лет описал сцену знакомства один из очевидцев. И добавил: «Через некоторое время жители Тойлы стали часто встречать свою землячку в соседнем парке Ору в обществе известного стихотворца».

Дорожки парка были усыпаны желтыми и красными листьями, но астры кое-где еще цвели. Это была осень 1921 года. В письме от 13 октября, говоря о предстоящей поездке в Берлин с «поззоконцертами» — так именовал он свои выступления, — Северянин

упоминает вскользь, что туда же «едет эстийская поэтесса Фелисса Круут, моя невеста. Она — девятнадцатилетняя очаровалка».

Теперь они выступали вдвоем. Главным, конечно, был он — Игорь Северянин всегда и везде был главным, — а она дополняла его речитатив чтением собственных стихов, которые писала как по-эстонски, так и по-русски. На сцену, правда, выходила не под своим именем — с королевской щедростью он изобрел для неё звучный псевдоним: Ариадна Изумрудная.

21 декабря 1921 года поэтесса Изумрудная, она же Круут, и поэт Северянин, он же Лотарев, обвенчались в одном из православных храмов города Тарту. Король нашёл свою королеву.

Они даже внешне подходили друг другу: она была такой же высокой, как он. А уж о внутреннем соответствии и говорить не приходится.

«Жена моя — хорошая, добрая, изящная. Боготворит меня и мое творчество... Мне с нею очень легко и уютно. Беспокоит только меня ее здоровье: на днях она готовится стать матерью...»

Северянин преувеличивал: матерью она готовилась стать не на днях, а месяца эдак через полтора. Что и произошло ровно в срок, 1 августа 1922 года.

Сломав отчаянное сопротивление батюшки, «король поэтов» дал своему наследнику языческое имя Вакх. Доказал, что есть-таки в святцах такой мученик...

Итак, он стал мужем, стал отцом, стал главой семейства. Но это мало отразилось на его образе жизни.

«Моя жена действует на меня благотворно: я абсолютно свободен, она совсем не ревнива, современна, чутка, развита, талантлива».

Идеализирует? Да нет, не идеализирует, но опускает кое-какие краски, а без них образ этой женщины будет не полон.

Качество, о котором он забывает упомянуть, — ее женское начало. Оно проявлялось у нее столь органично, что он, вечно сосредоточенный на себе, попросту не замечал его. Лишь однажды был удивлен и даже несколько шокирован. Сила этого удивления оказалась едва ли не сильнее страха смерти: оба в тот момент были на краю гибели.

Случилось это во время турне по Югославии, в Герцеговине, вскоре после грозы. Рассказ об этом, а точнее очерк, впервые напечатанный лишь в 1987 году, к 100-летию юбилею поэта, так и называется: «Гроза в Герцеговине».

Фелисса выведена здесь под именем Ирис. Она и ее спутник, от имени которого ведется повествование, то есть автор, возвращаются с Адриатического побережья в Белград, и в горах на их поезд обрушивается «ослепительная и звонкая южная гроза». Вволю налюбовавшись ею, путешественники ложатся спать и через некоторое время пробуждаются от страшного грохота: ливень размыл путь, и поезд, сойдя с рельсов, полетел под откос.

«Ирис падала головою вниз, я — ногами. В душе — чувство смерти. Страх — я это утверждаю — не было. Было скорее чувство обреченности. Возможно, мы просто не успели испугаться: падение продолжалось несколько секунд. Вагон внезапно во что-то уперся. Меня треснуло головою о стенку. Удар был смягчен бархатной обивкой».

А что же Фелисса? То бишь — Ирис...

«Ирис, сидя где-то на двери или стенке вагона, может быть, на спинке кресла, — в точности не помню, — вынула из сумочки зеркало и туалетные принадлежности и стала приводить себя, как бы ничего не случилось, в порядок».

Он решил, что от потрясения она слегка тронулась умом. Ничего подобного, она была в полном рассудке, хотя ему показалось, что «ее хладнокровие граничило с бесчувственностью».

Как бы не так! Хладнокровие не оставило эту женщину — воистину женщину — не только в мгновенья железнодорожной катастрофы, о которой писали многие газеты (одна заметка называлась: «Едва не погиб Игорь Северянин»), но и в постигшей их семью катастрофе жизненной.

Собственно, то был побочный эффект планетарного катаклизма. Выражаясь высокопарным языком (в рассказе о поэте, у которого не дрогнула рука написать: «Я, гений Игорь Северянин», он, по-видимому, уместен), они попали под колесо истории.

Отрезанный от родины, лишенный читателя и, следовательно, издателя, «король поэтов» оказался ничим. Не в переносном, не в метафорическом, а в самом что ни на есть прямом смысле слова. Его снедали «думы о ежедневном добывании буквально куска черного хлеба на свое пропитание и на пропитание больной и хрупкой жены с ребенком...»

Это из письма, в конце которого он, оправдываясь за долгое молчание, объясняет, почему так редко пишет: денег «и на марку часто нет». Но это еще не конец письма, дальше следует примечательная — и замечательная! — фраза: «Такая нужда, а злобы

нет ни к кому». Чему и сам слегка удивляется: «Уж такова, видно, душа поэта».

Остается одна надежда — на «поэзоконцерты», которые когда-то проходили с неизменным триумфом и давали немалые сборы. Теперь, однако, времена изменились. Залы по-прежнему полны, поскольку почти во всех крупных европейских городах живут бежавшие от революции русские эмигранты, но это, как правило, люди неимущие, поэтому выручка сплошь да рядом не покрывает затрат на переезды, отели... Да и на сцену не выйдешь в чем попало. Оба же они — и он, и она — совсем обносились.

«Приехали мы в Германию нищими: я — в рабочей, заплатанной куртке, Фелисса Михайловна в пальто из одеяла».

В пальто из одеяла! А ведь она — совсем еще молодая женщина, красавица, умница, блестяще образованный человек. «Да, — сокрушенно признается он, — Фелисса Михайловна достойна лучшей участи. Я очень виноват перед ней. Мне так трудно вернуть ее безоблачность».

Ну, какая уж тут безоблачность, если на хлеб денег нет, а на руках у тебя ребенок. Даже два ребенка, ибо муж ее, большой, ладно скроенный человек, — тоже что малое дитя. К жизни совершенно не приспособлен — лишь стихи умеет слагать да удить рыбу. (Северянин был азартным рыболовом, и она разделяла эту его страсть.) Но на окунечки, которые неплохо клевали в этих местах, и на «поэзы», которые писались и печатались все труднее, не проживешь.

И тогда заботу о семье она взвалила на себя. Ариадна Изумрудная идет на шелковую фабрику простой рабочей. С ее-то здоровьем!

«Она и всегда-то была малокровна и слаба», — писал он в самом начале их совместной жизни. Но тогда еще он мог обеспечить и себя, и жену, и ребенка. Теперь все на ней.

Она поддерживает огонь в домашнем очаге («Фелисса Михайловна чрезвычайно притомилась, так как на ней лежит все хозяйство»), она зарабатывает деньги — сперва на фабрике, потом на заводе, где схватывает воспаление почек, она воспитывает сына да еще помогает мужу в его литературных занятиях: вдвоем составляют «Антологию эстонской поэзии за сто лет».

Мудрено ли, что от нее «один скелет остался»! Ей, естественно, этих слов он не говорит — разве можно подобное говорить женщине! — но в письмах постоянно делится своими тайными страхами и своим отчаяньем.

«Фелисса Михайловна так измучилась и устала...»

«Фелисса Михайловна получила ангину...»

«Очень нехороший кашель...»

И все-таки поэт света, как он не без торжественной гордости назвал себя однажды, Северянин не впадает в отчаянье. А если и впадает (и даже пишет «Поэзу отчаянья»), то не навсегда, не безнадежно. В конце концов все не так уж скверно...

Как хорошо, что вспыхнут снова эти
Цветы в полях под небом голубым!
Как хорошо, что ты живешь на свете
И красишь мир присутствием своим!

Эти стихи обращены к Фелиссе Круут. Написанные не просто «королем поэтов», а королем в изгнании, они воочию демонстрируют то величие и ту кра-

соту духа, какие прежде скрывались под жалкой, нелепой, смешной позолотой монаршьей мантии.

Он понимает: ему повезло, что на его пути — пути человека, у которого, по его собственному определению, характер «очень трудный и замысловатый», — попалась такая женщина. «В наши дни, — пишет он поэту Георгию Шенгели, — это редкостно. Нам надо ценить милость, нам ниспосланную. Беречь надо друг».

Переписка с Шенгели охватывает почти полтора десятилетия, и чем дальше, тем настойчивей, тем громче и трагичней звучит в ней тема возвращения на родину. Впрочем, она звучит не только в письмах, но и в стихах. Он и прежде подумывал уехать в Россию, но ведь жена-эстонка любит свою родину не меньше, нежели он свою.

В отрывочных автобиографических заметках (последнем прозаическом произведении Северянина, увидевшем свет почти через 50 лет после смерти автора) описывается имевший место эпизод в Берлине, когда он, «уговариваемый друзьями, хотел, не заезжая в Эстонию, вернуться в СССР». Разговор об этом спонтанно возник во время прощального ужина в ресторане, «когда билеты на поезд и пароход до Таллина, — пишет Северянин, — были уже куплены и лежали у неё в сумочке». Несколько часов промедления, и они потеряли б силу...

Встревоженная Фелисса раза два или три напомнила об этом. Друзья же не нашли ничего лучшего, как успокоить ее, что, дескать, без труда достанут им билеты прямо в Москву, — «тогда она, совершенно перепуганная, вскочила и бросилась в гардеробную, схватив на ходу пальто». Муж, конечно, поспешил за ней.

«Когда я выбежал на улицу, я увидел спутницу, буквально несущуюся по пустому городу и нагевавшую на ходу пальто. Было около трех часов ночи. Мы бежали таким образом через весь город до нашего отдаленного района. Было жутко, позорно и возмутительно. Я все боялся ее оставить; мне казалось, или она покончит с собою, или возвратится огна на родину».

Прошли годы, и теперь в таком же положении оказался он. И вопрос стоял точно так же: либо умереть, либо вернуться.

В 1935 году Северянин уезжает из глухой, забытой Богом и людьми деревушки в столичный город Таллин, откуда, кажется ему, легче перебраться в Россию. У него появляется другая женщина, так же исступленно мечтающая о России.

Увы, планам его не было суждено сбыться. И спустя пять лет, трудных, нищих, полных унижений, он обращается к своей Фелиссе.

Нас двадцать лет связует — жизни треть,
И ты мне дорога совсем особо,
Я при тебе хотел бы умереть:
Любовь моя воистину до гроба.

Слова о смерти — не поэтическое преувеличение: жить ему оставалось считанные недели. Тут уж не до «поэз» и не до поз. Последняя строфа его последнего стихотворения начинается простыми словами — быть может, самыми простыми и самыми пронзительными из всего, что написал за свою жизнь «король поэтов»:

Одна мечта: вернуться бы к тебе...